

СОФИЯ ЛИТВИНОВА, ЕВГЕНИЯ КУЗИНЕР,
ЕКАТЕРИНА ГЛАДЧЕНКО

НИЗОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДОСУГА В ЗАБРОШЕННЫХ ЗДАНИЯХ ВОРКУТЫ

Литвинова София Александровна, бакалавр программы «Социология и социальная информатика» Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая, д. 20, тел.: +7 953 145 54 13

E-mail: salitvinova@edu.hse.ru

Кузинер Евгения Николаевна, корреспондирующий автор, стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ; аспирант образовательной программы «Социологические науки» Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2, тел.: +7 981 791 41 83

E-mail: ekuziner@hse.ru

Гладченко Екатерина Андреевна, стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ; магистр программы «Современный социальный анализ» Санкт-Петербургской школы социальных наук и востоковедения НИУ ВШЭ; Российская федерация, 192171, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2, тел.: +7 996 376 02 77

E-mail: egladchenko@hse.ru

В условиях институциональных и пространственных ограничений молодежь в Воркуте активно осваивает нефункционирующие заброшенные здания. Цель данной статьи – представить результаты исследования особенностей низовой организации досуга в заброшенных городских пространствах Воркуты, а также результаты анализа переплетений социальных и пространственных аспектов существования в городе различных молодежных групп, которые самостоятельно организуют досуг, создавая уникальные досуговые пространства в ситуации ограниченности ресурсов.

Для исследования были выбраны два кейса: байк-клуб «Полярные волки» и скейт-площадка в заброшенном здании. Эмпирический материал исследования был собран в ходе социологической экспедиции 7–13 июля 2019 года в Воркуте в рамках проекта «Открываем Россию заново» и включает в себя 20 глубинных интервью с воркутинцами в возрасте от 16 до 35 лет, а также более 200 часов включенного наблюдения. При анализе материала авторы опирались на сценочный подход и концепцию третьих мест Рэя Ольденбурга. При этом досуговое пространство молодежи определяется в исследовании как место, в котором существует молодежная сцена (или сцены). Для определения сцены и последующего анализа материала используется концепт «культурной сцены», предложенный Еленой Омельченко и Святославом Поляковым, где сцены – это связь досуговых практик сообществ и культурных пространств. В ходе анализа были выделены особенности низовой организации досуговых пространств в Воркуте – молодежь повторно использует заброшенные здания и создает внутри них свой особый социальный и связанный с ним пространственный порядок. Авторы пришли к заключению, что постоянные преобразования зданий молодежью являются развитием и продолжением сцены. Когда-то заброшенные здания становятся местами с определенной социальной динамикой, которая постоянно воспроизводится через пересечение повседневных практик участников сцен.

Поскольку исследованиям организации досуга молодежи в отдаленных от Центральной России арктических городах уделяется мало внимания, результаты данной статьи способны привлечь ученых к изучению форм досуга молодежи в регионах Арктики как ответа на институциональные ограничения в месте проживания.

Ключевые слова: Воркута; досуг; низовая организации досуга; заброшенные здания; молодежные сообщества; третьи места; молодежные сцены

Цитирование: Литвинова С.А., Кузинер Е.Н., Гладченко Е.А. (2020) Низовая организация досуга в заброшенных зданиях Воркуты // Городские исследования и практики. Т. 5. № 1. С. 135–146. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp512020135-146>

Введение

Северный город Воркута, находящийся за полярным кругом, как в официальном, так и в неофициальном дискурсе считается *вымирающим городом*. Он стал еще одним городом, который когда-то жил насыщенной жизнью, однако после распада Советского Союза оказался в тяжелом положении: ухудшилась экономическая ситуация, стали закрываться градообразующие предприятия, шахты, увеличился миграционный отток. Из-за географического расположения и климатических особенностей (в том числе, вечной мерзлоты) из средств передвижения, связывающих город и «большую землю», жителям доступна только железная дорога и редкие рейсы самолетов. Воркута находится на окраине России как физически, так и с точки зрения социальной и культурной сферы [Pilkington, 2012]. Численность населения продолжает сокращаться до сих пор. Это объясняется как естественной демографической убылью населения, так и закрытием многих промышленных объектов (шахт, скважин) и слабо развитой транспортной инфраструктурой региона¹. Согласно данным Росстата, численность населения Воркуты постоянно сокращается, и на 2020 год в городе проживает 52 776 человек², что на 25% меньше, чем 10 лет назад³. Как результат, старые здания ветшают и становятся заброшенными, а новые не возводятся.

На фоне институциональных ограничений и малоразвитой инфраструктуры молодежь активно осваивает новые площадки для досуга, а именно нефункционирующие заброшенные здания. Мы считаем, что такие практики повторного использования заброшенных зданий обусловлены институциональными ограничениями. Такие ограничения связаны, во-первых, с малым финансированием города, а во-вторых, с недостатком инфраструктуры для молодежи, которая бы отвечала ее потребностям и запросам. «Молодежи здесь нечем

заниматься» — этот мотив звучит во многих интервью: некуда сходить, особенно зимой.

Исследованиям организации досуга молодежи в отдаленных от Центральной России арктических городах уделяется относительно мало внимания. Полученные результаты способны привлечь внимание исследователей к изучению форм досуга молодежи как ответа на институциональные ограничения в месте проживания. Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы изучить особенности низовой организации досуга в заброшенных городских пространствах и проанализировать, как молодежь Воркуты организует свой досуг через создание уникальных досуговых пространств. Задача исследования состоит в том, чтобы изучить, как молодежные сцены создают, расширяют и трансформируют заброшенные пространства, которые они вынуждены использовать в ситуации ограниченности ресурсов.

Теоретическая рамка исследования

За первое десятилетие XXI века кросс-дисциплинарный научный интерес к руинизированным пространствам возрос. В настоящий момент в мировых городских исследованиях более распространен акцент на развитии и регенерации, чем на упадке и разрушении [Mah, 2010]. В российской научной среде начали появляться публикации, посвященные изучению практик использования различных заброшенных пространств, становящихся центрами притяжения для туристов и молодежи [Хлевнюк, 2012; Шевелев, 2014].

Заброшенные здания изначально несли в себе определенный функционал (коммерческий, досуговый и т.д.), который не исчез с их запустением, а, напротив, трансформировался в новый вследствие повторного использования. Заброшенные здания — это объекты, вокруг которых выстроено множество разнообразных практик: живопись, фотография, события и встречи, туристические практики [Хлевнюк, 2012]. Их притягивает атмосферность заброшенных зданий, возможный уникальный эстетический опыт, который, в свою очередь, воспринимается индивидами как новый и далекий от обыденности [Göbel, 2014].

Исследуя руины с точки зрения находящегося в пространстве наблюдателя, Эденсор высказывает предположение, что здания структурируют восприятие материального мира, они наделены смыслами и нормами,

- 1 Постановление Правительства Республики Коми от 11 апреля 2019 года № 185 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года».
- 2 Данные Росстата. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>.
- 3 Данные Всероссийской переписи населения: http://komi.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/.

определяющими повседневные практики взаимодействия с ними, их полезность и символическое значение [Edensor, 2005]. Таким образом, здания не только определяют внешний облик города, но и создают ощущение нахождения в пространстве, определяют человека в нем. Следовательно, опустынивание и затем естественное разрушение зданий влечет за собой ощущение исчезновения прежних смыслов, пустоты:

Мне жутко, когда живое, так сказать, с мертвым... не знаю, от этого не по себе становится. Это как рудник — с одной стороны, все живое, а через мост, через речку все уже мертвое. (М., 22 года)

С другой стороны, разрушение прежних зданий не только воспроизводит ощущение опустошенности, но и создает предпосылки для возникновения новых смыслов и практик использования пространства [Dale, Burrell, 2011]. Такие практики могут быть разрушительными: вследствие ощущения свободы в отсутствие норм и конвенциональностей, возникающего в разрушенном пространстве, последнее становится местом притяжения маргинальных практик [Edensor, 2005]. Но при этом эти практики могут приобретать и созидательные формы, которые актуализируют присутствие определенной группы людей, позволяя развиваться новым выражениям и стилям жизни.

Связь групповых практик и мест, в которых эти практики происходят, тематизируется в концепции «сцен», разработанной исследователями Еленой Омельченко и Святославом Поляковым. Эта концепция позволяет анализировать внутренние правила, по которым действует группа, и смыслы, производимые группой, в определенных местах, понять, каким образом существуют локальные сообщества и как они выбирают те или иные места для своих практик. С точки зрения исследователей, концепция «сцены» помогает рассмотреть внутреннюю гетерогенность сообществ, так как «сцена» может включать в себя не только ее активных участников, производителей, но и «зрителей», тех, кто этот «продукт» потребляет. Концепт «сцены», по мнению авторов, отсылает к театральному «триединству» как единству времени, действия и места. Данное место является и физическим местом сбора групп, и символом, идентифицирующим конкретную группу [Омельченко, Поляков, 2017]. Согласно данной концепции, мы определяем досуговое про-

странство молодежи в наших кейсах как место, в котором существует молодежная сцена (или сцены).

Методология исследования

В исследовании была использована качественная методология: глубинные интервью, наблюдения и кейс-стади (метод кейсов). Глубинные интервью с резидентами досуговых пространств позволили нам исследовать правила и нормы работы их организации, как участники разных сцен взаимодействуют друг с другом, а также их отношения с городом. Наблюдения, проводимые непосредственно в местах досуга представителей молодежных сцен, позволили нам лучше изучить их практики, организацию.

В эмпирическую базу исследования вошли 20 глубинных биографических интервью с воркутинцами в возрасте от 16 до 35 лет, полевые дневники исследователей и более 200 часов включенных наблюдений, собранных во время социологической экспедиции в Воркуту с 7 по 13 июля 2019 года в рамках проекта «Открываем Россию заново». Исследовательская команда состояла из руководителя экспедиции, директора Центра молодежных исследований (ЦМИ) Е.Л. Омельченко, старшего научного сотрудника ЦМИ Н.А. Нартовой, двух младших сотрудников ЦМИ А.Н. Кравцовой и А.В. Майбороды, а также команды из 10 студентов бакалавриата и магистратуры НИУ ВШЭ по программам «Социология и социальная информатика», «Современный социальный анализ» и «История» (включая авторов данного исследования).

В первые дни исследователи использовали метод дрейфа, интуитивно выбирая маршрут для прогулки, фиксируя собственные ощущения и определяя, какие чувства вызывают разные районы города (комфорт, безопасность, страх, опустошение, безразличие и т.п.). Наблюдения исследователей нашли отражение в полевых дневниках, фото- и видеодокументах. В полевых дневниках исследователи фиксировали информацию фактологического и описательного характера. Также дневники включали в себя рефлексию опыта проживания города. С помощью фото- и видеофиксации участники постарались запечатлеть город и его жителей. На первом, подготовительном, этапе рекрутирование информантов проводилось через социальные сети: отбирались наиболее яркие

представители молодежных сообществ (руководители этих сообществ, их основатели и активные участники), которые, как предполагалось, могли бы познакомить исследователей с Воркутой и ее жителями. На втором этапе рекрутирование проводилось с помощью метода снежного кома через участников первого этапа. Для максимально широкого охвата поиск и рекрутинг информантов осуществлялся через несколько входов в поле. Третий этап рекрутинга проходил в публичных пространствах, досуговых местах и точках сбора молодежных сообществ города. Кроме того, исследователи провели несколько встреч с представителями местной власти — мэром и советником мэра Воркуты. Таким образом, полученная выборка позволила охватить горожан с разным опытом отношения к городу, его осмысления и практик использования городских пространств.

Вся личная информация информантов была анонимизирована, информация о роде деятельности и причастности к молодежным сообществам сохранена в обобщенном виде.

Формат полевой социологической экспедиции включает в себе как ряд преимуществ, так и некоторые ограничения. С одной стороны, у нас была возможность изучить объект исследования, параллельно используя разные методы сбора и анализа данных, рекрутировать респондентов из одной «компании», чтобы сравнить их мнения и оценки. С другой стороны, исследовательская команда была ограничена временем проведения экспедиции, что, возможно, не позволило найти другие формы досуговой активности молодежи Воркуты.

Для анализа были выбраны два примера использования заброшенных зданий для места досуговых практик воркутинской молодежи. Стоит отметить, что для сравнения этих кейсов существует ограничение: одно место существует уже более 17 лет, в то время как вторая инициатива была организована всего год назад.

Создание уникальных досуговых пространств

Молодежь в Воркуте по-разному устраивает свой досуг — например, посещает общественные места (кафе, рестораны, библиотеки), участвует в молодежных организациях (Союз молодежи, студенческие добровольческие отряды «Белый тигр», «Лети, лепесток» и «Инициатива»), самостоятельно или в секциях занимается спортом, прогулива-

ется по городу, встречается с друзьями в гостях. По словам информантов, в настоящее время городская среда недостаточно отвечает интересам и вкусам молодежи. Конечно, на потребность в досуговых пространствах влияют разные ценностные установки, например, некоторые информанты отмечают, что испытывают нехватку в культурно-просветительском досуге, другие желают больше площадок развлекательного характера (ТЦ, антикафе и пр.). В итоге в большинстве случаев ни те ни другие не могут закрыть свои потребности. В такой ситуации некоторые группы, которые мы обсудим дальше, сами организуют свой досуг и хобби, используя заброшенные здания в городе. С одной стороны, на уровне официального дискурса местной власти такие практики не поощряются и иногда пресекаются. Например, администрация создает физические преграды для доступа в заброшенные пространства. С другой стороны, на уровне неофициального дискурса местной власти приходится мириться с тем, что невозможно полностью пресечь такую деятельность. Поэтому приходится идти на уступки и поддерживать не мародерскую деятельность, а, наоборот, созидательную: администрация содействует низовым инициативам преобразования заброшенных зданий в места для досуга.

Взаимодействие с заброшенными зданиями в данном контексте становится одной из форм городского исследования (*urban exploration*), которое объединяет в себе игровые, досуговые, эстетические и телесные практики [Шевелев, 2014]. Примером практик *urban exploration* является диггерство, сталкеризм и игра в жанре квест *DoZog*. Такие практики объединяет притяжение к заброшенным зданиям как эстетическим и экзотическим объектам ради получения необычных ощущений. Напротив, использование заброшенных пространств для молодежи в этом случае становится формой совершенно рутинных практик взаимодействия с городским пространством, так как покинутые здания есть повсеместно как на окраинах города, так и в самом центре. Заброшенные пространства выходят на передний план визуальной составляющей города. Для местных жителей эти здания — естественный элемент городского пейзажа, который может послужить весьма определенным целям.

Мы рассмотрим два случая использования заброшенных зданий, которые послужи-

ли пространством для организации низовых практик молодежного досуга. В обоих случаях участники сцен адаптируют пространства под свои функциональные потребности, устанавливая при этом собственный социальный режим. Первый кейс — байкерский клуб «Полярные волки», созданный еще в начале 2000-х годов. Второй кейс — скейт-парк в заброшенном здании, который появился относительно недавно, в 2019 году.

Байк-клуб «Полярные волки».

Байк-клуб был создан более 17 лет назад. Участники клуба, байкеры, позиционируют себя как клуб по интересам, объединяющий «людей, для которых жизнь — это мотоцикл и уважение друг к другу»⁴. Необходимо сразу отметить, что байк-клуб как здание (рис. 1) представляет собой место постоянного пересечения различных молодежных сцен, которые неформально делят его в соответствии со своим вкладом в его развитие.

Байк-клуб начал формироваться недалеко от центра города в заброшенном здании ресторана «Север». Центральной сценой в байк-клубе стали сами байкеры, которые состоят как из молодых людей, так и из взрослых мужчин, многие из которых раньше состояли в движении панков, которое в 2000-х годах изучала руководитель исследовательской экспедиции Омельченко [Pilkington, Omelchenko, Garifzianova, 2010]. Байкеры представляют собой сообщество с тесными связями, которые можно охарактеризовать как «родственные». Члены сообщества своими силами создали байк-клуб, который сейчас функционирует как «коммунальная квартира для всего неформального движения» и привлекает людей разных музыкальных и творческих взглядов. Это место проведения музыкальных концертов и репетиций, праздников и других мероприятий, а также сбора тусовок. Внешнее и внутреннее обустройство клуба отражает вкусы и стиль жизни байкеров: повсюду субкультурная символика в рок-стилистике (плакаты, пластинки, надписи), подчеркивающая принадлежность ее владельцев к байк- и панк-сообществу.

Изначально у байкеров возникла потребность своего места для проведения мероприятий и концертов — места, которое можно будет использовать как репетиционную точку и, главное, как точку для сбора друзей (рис. 2). До байк-клуба не существовало ком-

фортного и просторного места для сбора большого количества людей, на улице это было невозможным из-за суровых климатических условий:

Раньше это было маленькое здание с одним помещением — концертным залом, ну какие-то маленькие свои каморочки были, но основное помещение для всех было, в субботу приходили, концерт, и всё. Сейчас это двухэтажное здание, бывший ресторан «Север». Очень много площади, не до конца еще используем. Вот. Там у каждого свой уголок как бы, как съем квартиры получается. Рэп-точки, просто там ребята по интересам базируются, арендуют там всякие... как там... (Р., 28 лет, представитель панк-движения)

Рис. 1. Вход в байк-клуб

Источник: фото сделано участницей экспедиции Аделиной Ахмедовой.

Поскольку в одиночку байкеры не имеют возможности на постоянной основе содержать все здание (платить за электричество, делать ремонт), оно становится пересечением самых разных молодежных сообществ города, таких как косплейщики, панк-группы, рок-группы, неформалы, которые ис-

4 Группа байк-клуба: <https://vk.com/club8780207>.

пользуют здание для проведения досуговых мероприятий и встреч. При этом байк-клубом, по словам информанта, «заправляют» именно участники сообщества байкеров. Они устанавливают правила, которые обязаны соблюдать все, причастные к использованию этого здания. Например, существует неформальная договоренность о ежемесячном взносе за пользование помещением, а также негласное правило помощи в ремонте здания.

В мероприятиях может участвовать каждый желающий — байк-клуб не закрытое комьюнити, но для своих существуют различные привилегии. Главное правило в клубе — полноценное участие в его деятельности. Участники, не помогающие в улучшении здания, считаются «чужими» и платят за вход на мероприятия. Для тех же, кто полноценно участвует в содержании здания или организации концертов, вход бесплатный. Что характерно, символические суммы, взимаемые за вход, не имеют коммерческой ценности, но позволяют разграничить «своих» и «чужих». Один из информантов сравнил клуб с другими концертными площадками, заключив, что чисто коммерческий интерес губит подобные инициативы.

Если ты ходишь на стройку, ты не платишь. А если ты просто левый пассажир, первый раз на концерте или просто ты... не поддерживаешь никак движение, просто ходишь на концерты, ты платишь входной билет. Эти входные деньги идут на оплату электричества и прочего. А вот ребята, которые пробовали делать другие концертные площадки, у них цель — коммерция, поэтому они все быстро позагибались. (М., 28 лет, представитель панк-движения)

Поддержание здания в приемлемом состоянии представляется информантами как непосредственное продолжение жизни самой сцены, ее закрепления в городской среде и служит метафорой строительства «светлого будущего». Байкеры ярко маркируют свое присутствие в городе, становясь его неотъемлемой частью. Так заброшенное здание становится символическим продолжением использующих его сцен и обретает почти метафизический смысл.

...без дебоша, без всего, то есть, какое воскресенье, допустим, здание до сих

пор, здание до сих пор... каждую неделю что-то в нем делается, восстанавливается, улучшается... ремонтируется. То есть на добровольной основе ребята собираются. Любые ребята неформалы, кто приходит, собираются, помогают строить светлое будущее для себя. (М., 28 лет, представитель панк-движения)

Изначально байк-клуб был основан как низовая инициатива, место для сбора андеграундной молодежи, но сейчас он выходит на более официальный уровень, его участники вынуждены считаться с официальными властями города.

...хотя сейчас байк-клубу как центру развлечения молодежи дали грант. Там на какие-то улучшения условий, да там ремонт можно сделать и все остальное. И... теперь контроля больше, то есть допустим, если приходили малолетки, приходят если малолетки, надо там в 9 часов, даже если концерт продолжается, отправлять домой. Распития спиртных напитков при них тоже нет, как это могло быть раньше, в 2005-м году, где-то так». (М., 28 лет, представитель панк-движения)

Байкеры становятся структурным элементом, без которого образ города не может существовать даже по мнению тех жителей, которые никак не причисляют себя к этой культуре. Сами байкеры также не представляют жизнь города без участия своего сообщества. Однако речь идет в большей степени о сопричастности байк-сцене, а не Воркуте в целом. Так, представитель панк-движения рассказывал о сопричастности скорее жизни движения, месту, в котором они проводят время, нежели жизни города. Он выражал удовлетворенность жизнью в Воркуте и в то же время о будущем высказывался пессимистично, построение долговременных планов оказалось для него трудным:

Да мы все друг друга просто знаем уже как родственники. Ну какое-то... молодое поколение сейчас появилось уже, и что-то за ними дальше уже волны нет... Опять какой-то застой. Мне кажется, это последнее поколение. Панкарей таких раскрашенных, клепаных весельчаков, которые бегают по лужам, по улицам, нет. (М., 28 лет, представитель панк-движения)

Рис. 2. Музыкальная сцена внутри байк-клуба

Источник: фото сделано участницей экспедиции Аделиной Ахмедовой.

Таким образом, клуб становится местом притяжения всей андеграундной сцены Воркуты, которая через функциональное повторное использование постсоветского заброшенного пространства материализует свое присутствие в городе [Prior, 2014] и играет важную роль в преобразовании городского ландшафта на официальном уровне.

Скейт-площадка.

Здесь единственная участвующая молодежная сцена — это скейтеры. Скейтеры — это группа молодых людей (старше 20 лет) и подростков (13–16 лет), объединенных общим увлечением — выполнением трюков на скейтбордах, самокатах и ВМХ. Так как муниципалитет не предоставляет закрытую площадку для катания в зимнее время, скейтеры объединились, чтобы самостоятельно организовать ее в доступном им месте — заброшенном бывшем здании колледжа. Они с самого начала согласовали это с охранником здания и полицейскими, чтобы обеспечить себе здесь

условно официальное присутствие. В здании ребята сами расчистили первый этаж от мусора, затем при помощи подручных средств, найденных в том числе в самом здании, установили самодельные фигуры для катания: обломки парт, скамеек и стульев (рис. 3). Также заколотили некоторые окна и двери, повесили на главный вход цепь и замок. Поскольку скейтеры проводят на площадке много времени, они оборудовали отдельную комнату со скамейками для отдыха, шкафом для хранения сигарет и строительных инструментов (рис. 4). Также они планируют провести сюда электричество, чтобы зимой ставить теплогенераторы, так как их главная цель — создание комфортных условий для катания зимой.

В отличие от байкеров, скейтеры жестко ограничивают доступ посторонних на площадку, впуская сюда только «своих». Такой режим разделения на «своих-чужих» проявляется в установлении социального и пространственного порядка. Первый критерий для различения «своих» и «чужих» для скейтеров проявляется в искреннем увлечении

своим видом экстремального спорта: *скейтеры-однодневки* (то есть скейтеры, которые только *понтуются* своим увлечением) не должны быть допущены в пространство. Здесь нет четкого критерия для определения настоящего скейтера-однодневки, он не измеряется уровнем мастерства, главное — это стремление постоянно его оттачивать, несмотря на объективные преграды в виде сурового климата или отсутствия оборудования для катания. Наряду с социальным режимом участники сообщества выстраивают физические преграды для доступа: устанавливают на вход цепи и замки, помечают здание своими тегами.

Рис. 3. Расчищенная площадка для катания

Источник: фото сделано участницей экспедиции Аделиной Ахмедовой.

Второй критерий различения — каждый участник сообщества должен вкладывать свои силы и время в улучшение скейт-площадки, создавая ее наравне с другими участниками. Эта логика также переключается с первой характеристикой, так как необходимо не только оттачивать мастерство катания и исполнения трюков, но и создавать условия для реализации этого мастерства. Третий критерий проявляется в отделении себя от молодежи, ведущей «неправильный» образ жизни: алкоголь

ребята не употребляют и оценивают причастных к нему людей резко негативно:

Терпеть не могу коллектив, который без бутылки пива общения не представляет. Терпеть таких не могу! Я не понимаю, как можно существовать так. Просто не понимаю. (М., 22 года, скейтер)

С одной стороны, скейтеры ведут активный образ жизни и порицают употребление алкоголя, а с другой — в огромных количествах курят сигареты и вейп. Такой кажущийся парадоксальным порядок обусловлен тем, что курение воспринимается как атрибут независимого стиля жизни уличной культуры, а употребление алкоголя — как атрибут «гопнической» молодежи.

Таким образом, организация досугового пространства скейтеров выстраивается вокруг режима «свой-чужой», в рамках которого скейтеры резко отделяют себя от «не думающей» и «бесцельно слоняющейся по улицам» молодежи, определяя себя как молодежь прогрессивную и думающую. Более того, скейтеры ощущают себя несколько оторванными от других молодежных спортивных сцен, так как их вид спорта не получает признания и поддержки со стороны власти и общественности: деньги на развитие не выделяются, в приоритете стоит *мейнстримный* футбол или баскетбол. Можно сказать, что обозначенные характеристики и принципы скрытности выделяют скейтеров в качестве «аутсайдеров» среди спортивных молодежных сообществ. Более того, особая атмосфера преобразованного ими здания подчеркивает их причастность к уличной андеграундной культуре. Атмосфера задается самой эстетикой образа опустевшего здания, который скейтеры достраивают с помощью рисования граффити и тегов. Члены сообщества физически не приводят пространство к полностью отремонтированному и «цивилизованному» виду, намеренно оставляя аутентичные атрибуты заброшенного здания. Таким образом, наделяя физическое пространство смыслами и правилами, скейтеры подчеркивают сопричастность к «*исключительной культуре*».

Заключение

На примере двух кейсов досуговых пространств молодежных сцен — байк-клуба и скейт-площадки — было показано, каким образом в условиях ограниченности ресурсов молодежь создает уникальные досуговые

пространства в заброшенных зданиях и как взаимодействует с ними и с другими молодежными сценами. Уникальность кейсов состоит в том, что досуговые пространства были организованы молодежью самостоятельно, без поддержки официальных органов власти, в заброшенных и нефункционирующих зданиях города, для преобразования которых требуются финансы, время и другие ресурсы каждого, кто собирается ими пользоваться.

Рис. 4. Место для хранения личных вещей

Источник: фото сделано участницей экспедиции Аделиной Ахмедовой.

Эти сообщества создают режимы доступа в свое пространство. Режим «свой-чужой» выражается через ценности, разделяемые или порицаемые сообществом. Необходимость участия в развитии (ремонт, уборка, присвоении, украшении и т.д.) здания является обязательным для принятия человека как «своего». «Чужие», то есть не участвующие в развитии здания люди, либо исключаются физически через ограничение доступа, либо вынуждены платить за вход.

В этих кейсах участники сцен стремятся преобразовать заброшенные здания. И преобразование не ограничивается проведением света или тепла для простого физического

комфорта. Некогда заброшенные здания теперь являются результатом деятельности тех использующих их сцен, в котором переплетаются социальные и пространственные аспекты. Для этого участники сообществ прибегают к ремонту зданий, их украшению, применяют физические маркеры принадлежности (замки, цепи). Также участники присваивают здания, используя для этого логотипы своих сообществ (байкеры) или теги, выполненные краской (скейтеры).

Ценности сцен находят выражение в физическом окружении. В то же время физическое окружение создает условия для сосуществования разных сцен, участники которых физически воплощают свой собственный символический порядок. Постоянное преобразование здания участниками сообществ приравнивают к развитию самих сцен и их продолжению. В этом смысле можно сказать, что когда-то заброшенные здания становятся местами с определенной социальной динамикой, которая постоянно воспроизводится через пересечение повседневных практик участников сцен.

Благодарность

Авторы статьи выражают благодарность руководителям экспедиции «Воркута — столица мира? Молодежь города в поисках локальной идентичности» Омельченко Елене Леонидовне, Нартовой Надежде Андреевне, Майбороде Алине Владимировне, Кравцовой Алене Николаевне, информантам, согласившимся принять участие в исследовании, а также всем участникам экспедиции, в рамках которой был собран эмпирический материал, использованный при подготовке данной статьи.

Источники

- Омельченко Е.Л., Поляков С.И. (2017) Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ//Социологическое обозрение. Т. 16. № 2. С. 111–132.
- Хлевнюк Д.О. (2012) Руина в городе: культурные ценности и опасность их потерять//XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн. 2. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 21–28.
- Шевелев Е. (2014) Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств//Микроурбанизм. Город в деталях. М.: Новое литературное обозрение. С. 43–63.

- Cilesiz S. (2009) Educational Computer Use in Leisure Contexts: A Phenomenological Study of Adolescents' Experiences at Internet Cafés//American Educational Research Journal. Vol. 46. No. 1. P. 232–274.
- Dale K., Burrell G. (2011) Disturbing Structure: Reading the Ruins//Culture and Organization. Vol. 17. No. 2. P. 107–121.
- Edensor T. (2006) Reconsidering National Temporalities: Institutional Times, Everyday Routines, Serial Spaces and Synchronicities//European Journal of Social Theory. Vol. 9. No. 4. P. 525–545.
- Göbel H. (2014) The Re-Use of Urban Ruins: Atmospheric Inquiries of the City. New York: Routledge.
- Mah A. (2010) Memory, Uncertainty and Industrial Ruination: Walker Riverside, Newcastle upon Tyne: Memory, Uncertainty and Industrial Ruination//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 34. No. 2. P. 398–413.
- Pilkington H. (2012) Vorkuta Is the Capital of the World': People, Place and the Everyday Production of the Local//The Sociological Review. Vol. 60. No. 2. P. 267–291.
- Pilkington H., Omelchenko E.L., Garifzianova A. (2010) Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Sub-cultural Lives. London, New York: Routledge.
- Prior J. (2014) Amongst the Ruins//Journal of Homosexuality. Vol. 62. No. 2. P. 167–185.

SOFIA LITVINOVA, EVGENIIA KUZINER,
EKATERINA GLADCHENKO

GRASSROOT ORGANIZATION OF LEISURE IN ABANDONED BUILDINGS IN VORKUTA

Sofia A. Litvinova, Bachelor, Bachelor Programme “Sociology and Social Informatics”, HSE University; 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation, tel.: +7 953 145 54 13

E-mail: salitvinova@edu.hse.ru

Evgeniia N. Kuziner, PhD student of the Doctoral school of social sciences, Research Assistant, Center for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg; 2 bldg., 55 Sedova str., St. Petersburg, 192171, Russian Federation, tel.: +7 981 791 41 83

E-mail: ekuziner@hse.ru

Ekaterina A. Gladchenko, MA, Master’s Programme “Contemporary Social Analysis”, Research Assistant, Center for Youth Studies, HSE University, St. Petersburg; 2 bldg., 55 Sedova str., St. Petersburg, 192171, Russian Federation, tel.: +7 996 376 02 77

E-mail: egladchenko@hse.ru

Abstract

In the conditions of institutional and spatial limitations and poor infrastructure of Vorkuta, young people are actively developing non-functioning abandoned buildings. The purpose of this article is to analyze how social and spatial aspects are intertwined in the context of various youth scenes that independently organize leisure through the creation of unique leisure spaces in a situation of limited resources. Two cases were selected for the research: the Polar Wolves bike club and a skate-park in an abandoned building. The empirical data of the article was collected during a sociological expedition from July 7th to 13th, 2019 in Vorkuta as part of the “Otkryvayem Rossiyu zanovo” project in the form of 20 in-depth interviews with Vorkuta residents aged 16 to 35 and more than 200 hours of included observation. The analysis is based on the scene approach and the concept of third places by Ray Oldenburg. The authors of the article define the leisure space of youth in the described cases as a place in which a youth scene (or scenes) exists. The analysis highlighted the features of the grassroots organization of leisure spaces in Vorkuta – young people reuse abandoned buildings and create their own special social and related spatial order inside them. It is concluded that the constant transformation of buildings is equated with the development and continuation of scenes. Once abandoned buildings become places with a certain social dynamics, which is constantly reproduced through the intersection of the daily practices of the scene participants. Relatively little attention is paid to studies of the organization of youth leisure in Arctic cities remote from central Russia. The results of this article can draw the attention of further researchers to the study of youth leisure in the Arctic regions, as a response to institutional restrictions in the place of residence.

Key words: Vorkuta; leisure; grassroots leisure activities; abandoned buildings; youth communities; third place

Citation: Litvinova S.A., Kuziner E.N., Gladchenko E.A. (2020) Grassroot Organization of Leisure in Abandoned Buildings in Vorkuta. *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 1, pp. 135–146. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp512020135-146>

Acknowledgments

The authors express sincere gratitude to the supervisors of the expedition “Is Vorkuta the capital of the world? Youth of the city search their local identity” Omelchenko Elena, Nartova Nadezhda, Maiboroda Alina, Kravtsova Alena, interview participants and to the all participants of the expedition where the empiric data was collected and used in this article.

References

- Cilesiz S. (2009) Educational Computer Use in Leisure Contexts: A Phenomenological Study of Adolescents’ Experiences at Internet. *American Educational Research Journal*, vol. 46, no 1, pp. 232–274.
- Dale K., Burrell G. (2011) Disturbing Structure: Reading the Ruins. *Culture and Organization*, vol. 17, no 2, pp. 107–121.

- Edensor T. (2006) Reconsidering National Temporalities: Institutional Times, Everyday Routines, Serial Spaces and Synchronicities. *European Journal of Social Theory*, vol. 9, no 4, pp. 525–45.
- Göbel H. (2014) *The Re-Use of Urban Ruins: Atmospheric Inquiries of the City*. New York: Routledge.
- Khlevnyuk D.O. Ruina v gorode: kul'turnye tsennosti i opasnost' ikh poteryat' [Ruin in the City: Cultural Values and the Danger of Losing Them]. *XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva: v 4 knigah. Kn. 2* [XIII International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development: in 4 Books. Book 2]. Izdatel'skiy dom NIU VSHE [HSE Publishing House], pp. 621–28. (in Russian)
- Mah A. (2010) Memory, Uncertainty and Industrial Ruination: Walker Riverside, Newcastle upon Tyne: Memory, Uncertainty and Industrial Ruination. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 34, no 2, pp. 398–413.
- Pilkington H. (2012) Vorkuta Is the Capital of the World': People, Place and the Everyday Production of the Local. *The Sociological Review*, vol. 60, no 2, pp. 267–91.
- Prior J. (2014) Amongst the Ruins. *Journal of Homosexuality*, vol. 62, no 2, pp. 167–185.
- Pilkington H., Omelchenko E. L., Garifzianova A. (2010) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*. London, New York: Routledge.
- Omel'chenko E., Polyakov S. (2017) Kontsept kul'turnoy stseny kak teoreticheskaya perspektiva i instrument analiza gorodskikh molodezhnykh soobshchestv [The Concept of the Cultural Scene as a Theoretical Perspective and a Tool for the Analysis of Urban Youth Communities]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], vol. 16, no 2, pp. 111–132. (in Russian)
- Shevelev E. (2014) Gorod (bez) cheloveka: praktiki osvoyeniya pustykh i zabroshennykh prostranstv [City (without) a Person: Practices of the Development of Empty and Abandoned Spaces]. *Mikrourbanizm Gorod v detalyakh* [Micro-urbanism City in detail]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie [Moscow: New Literary Observer], pp. 43–63. (in Russian)